

Абсолютно открытый человек

Андрей Черкизов о профессиональных и житейских принципах

Сергей Шаповал

Андрей Черкизов – один из фирменных голосов «Эха Москвы». Придуманный им еще в 1991 году жанр ежедневной «реплики» сделал его постоянно действующим фактором в отечественной журналистике. Черкизов не из тех, кто практикует диалектику по принципу «с одной стороны – с другой стороны». Его высказывания четко артикулированы, зачастую заострены до крайности. Он просто находка для собеседника, душа которого жаждет определенности.

– Андрей, с вами точки зрения, сегодня возможна нормальная журналистика? На этот счет мнения расслоились: одни говорят, что нужно уходить из профессии, другие считают, что исчезла вседозволенность, поэтому можно продуктивно работать, создавая некий позитив.

– Мой подход прост, в его основе лежит знаменитый принцип: делай, что должно, и будь, что будет. Я не вижу здесь проблем.

– По-вашему, ситуация не изменилась?

– Она изменилась, но не кардинально. Никаких запретов нет, либеральные средства массовой информации работают. Изменилась финансовая ситуация: во второй половине 90-х годов на рынке труда было больше денег, чем сейчас. Но это же не отменяет возможности писать и говорить то, что думаешь.

– Существует ли для вас черта, которую вы не готовы переступить, даже если на кону будет ваше существование в журналистике?

– Мне довольно сложно ответить на этот вопрос. Я ведь начинал в журналистике в брежневские времена, и уже тогда в принципе можно было сказать то, что хочешь. Нужно было искать жанры и формы. Скажем, я делал большие интервью для журнала «Литературное обозрение». Захоти я сказать нечто, это не пропустили бы, но пропускали, когда то же самое говорили Юозас Балтушис, Чингиз Айтматов, Юлиан Семенов. Весь вопрос в упаковке материала. Что касается вопроса, когда я ушел бы из профессии, мой ответ – никогда. Живу я в ней. В конце концов нас учили эзопову языку.

Андрей Черкизов: «Какие из сторон кубика Рубика хуже остальных?»

Творец высказывает лишь свою точку зрения, единственное местоимение, которым он может пользоваться, – «я». Будем честными: даже репортер, который просто сообщает о случившемся событии, расска-

зывает независимых источников и т.д. Но здесь важно понимать, что в любой профессии правила возникают по мере деятельности. Моя тетя, которая всю жизнь занималась техникой безопасности в горной про-

ходили события вокруг «Норд-Оста», в нашей редакции было принято решение не ругать власти, пока все не закончится. Потом мы воздали всем по заслугам. Для нашей профессии крайне важна формула Гиппократ: не навреди.

– Как вы восприняли ставшую такой заметной книжку Трегубовой «Байки кремлевского диггера»?

– Это очень искренняя, очень интимная и очень сдержанная книжка.

– Вам это повествование не показалось безвкусным?

– Абсолютно нет. По-моему, оно очень хорошо организовано. Если сравнить эту книжку, например, с записками Коржакова, разница бросается в глаза: Трегубова не нарушает элементарных правил. Телохранитель не может писать воспоминаний при живом президенте. Впрочем, после его смерти тоже. Порядочные англичане недавно вышедшую книжку бывшего камердинера принцессы Дианы даже не покупают, они брезгают такими откровениями. Лена Трегубова ни у кого не была на службе, поэтому написала толковую вещь.

– Там есть эпизод, посвященный вам.

– У меня к нему нет претензий. Все абсолютная правда, кроме того что я не ношу часов; в тот

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

момент я смотрел на мобильный телефон, который показывает время.

– У вас за плечами немалый журналистский опыт, опыт общения с людьми, обладающими властью, вы не пишете свои мемуары?

– Нет. Опыта личного общения с такими людьми у меня довольно мало. Я старался не приближаться ни к кому, чтобы сохранять свободу оценки. Иметь хорошие отношения с тем, кто входит в круг твоих наблюдений, довольно опасно. Обязательно наступит момент, когда личные отношения закроют тебе возможность высказать искреннюю точку зрения.

– Что для вас важно в литературном произведении прежде всего?

– Книга должна быть написана хорошим русским языком. Именно поэтому я люблю Казакова и Бунина и не переносю на дух то, что делает с языком Солженицын. Бунин в «Жизни Арсеньева» пишет: «Лошадь раздавила луну копытом», после этого можно сутки ходить по улице и ловить кайф!

– А какие требования у вас к слову?

– Я не понимаю градации слова: высокое, низкое, арг, мат и т.д. Глупости это все! Слово должно обладать только од-

ним качеством: оно должно дать тебе возможность точно выразить твою данную мысль, твоё данное чувство. Слово должно выходить из человека совершенно естественно. Это важнее всего.

– Ваш выбор работы на радио принципиален или вы хотели бы заняться чем-то другим?

– Радио – замечательное СМИ, оно дает полезные навыки, держит в форме. Если печатный текст представляет только ваше слово, то радио добавляет интонацию. Что касается желания чем-то заниматься, то с этим у меня все просто: я вообще не люблю работать. Я работаю только потому, что мне нужны деньги. Будь они у меня, я бы все бросил.

– И что бы вы делали?

– Ездил бы, думал о вечном и что-нибудь писал в стол.

– То есть вас не одолевает «не могу молчать»?

– Когда высказываешься тринадцать лет изо дня в день с понедельника по пятницу, хочется уже и помолчать. Просто моя профессия меня кормит, помогает поддерживать здоровье моей маме. Вот и все. Конечно, усталость накопилась. Я не уверен, что среди моих московских коллег наберется много людей, так долго работающих в таком же напряжении, как и я. Я давно не ездил туда, куда мне хотелось бы. Я не могу уже четвертый год доехать до города Борисоглебска, откуда происходят мои предки по маминой линии. Я бы с удовольствием покопался там в архивах, побродил по городу.

– Что вы относите к числу своих слабостей?

– Какие из сторон кубика Рубика хуже остальных? Все, что меня составляет, и есть я. Откуда я знаю, какое качество относится к слабости, а какое к силе? Мне неинтересно разбирать такие головоломки. Я люблю коньяк и не люблю водку, мне нравится виски и не нравится текила, терпеть не могу кофе, я пью чай. Что здесь сила, а что слабость? Никогда в жизни не пользовался никакими наркотиками. Что о таком человеке могла бы сказать, например, Франсуаза Саган, которая не могла писать без кокаина?

– А в структуре вашего характера нет ничего, что бы вас не устраивало?

– Мне органически присущи некие качества, почему я с чем-то должен бороться? Я никогда из себя никого не коржил, никогда о себе ничего не утаивал. Я абсолютно открытый человек. Что касается принятой борьбы с так называемыми вредными привычками, то я ее просто не понимаю. Я курю с семи лет, мне это доставляет удовольствие, почему я должен оставить это занятие? Я убежден, что Господь не любит резких движений. Когда человек что-то делает вдруг – бросает пить или курить, садится на какую-нибудь безумную диету, – он ставит такую подножку своему организму и личности, повергает в такой шок своего ангела-хранителя, что в результате может и преставиться.

– И каков ваш вывод?

– Будь самим собой, следуй за тем, что в тебе заложено.

– Самоограничение, по-вашему, вредно?

– Оно не вредно и не полезно, оно терзает душу. Я говорю о свободе, которую человек позволяет лишь относительно себя самого. Все остальное сводится к великой формуле: пространство свободы моего кулака заканчивается там, где начинается пространство свободы твоего носа. ■

Пространство свободы моего кулака заканчивается там, где начинается пространство свободы твоего носа

Если тебе есть что сказать, ты сможешь это сделать.

– А не противно возвращаться к эзопову языку?

– Эзопов язык – это своеобразное искусство. Почему бы и нет. Я бы не смог работать только в условиях тотального нацизма.

– Вы работаете в жанре комментария, который предполагает субъективность. Именно за нее вас многие осуждают.

– Журналистика не может быть объективной. Это бред сивой кобылы! Объективной должна быть информация агентств, именно поэтому, по закону о СМИ, мы не обязаны ее проверять. Как может быть объективным творчество?

зывает то, что ОН увидел. Вспомните фильм Курасава «Расёмон»: каждый из фигурантов рассматриваемого дела рассказывает свою историю. Каждый грамотный следователь понимает, что, если два свидетеля события говорят одно и то же, значит, они сговорились. Отсюда знаменитая формула: врет как очевидец.

– Вот в этом и упрекают нашу журналистику.

– Нужно было найти слабое место журналистики, чтобы долбить ее. Но ведь свободной российской журналистике не так много лет, правила еще не устоялись. Журналисты могли сообщать информацию, в которой они несведущи, которую они получили не из двух

мышленности, как-то мне сказала: «Все инструкции по технике безопасности написаны кровью». Новой российской журналистике всего четырнадцать лет. Чего можно требовать от подростка? А вот, скажем, тридцатилетнему можно предъявлять самые серьезные требования.

– Стиль вашей работы – это проявление вашего характера или маска злого парня, который рубит сплеча?

– Мы все в жизни играем большое количество ролей, которые в совокупности и составляют нашу личность. Конечно, то, что я делаю, обусловлено моим темпераментом. Но всегда ли я безотчетен в этом? Нет. Например, когда проис-